

А. Г. ЕМАНОВ

**“ВЕРХ” И “НИЗ” ГОРОДСКОГО СОЦИУМА КАФЫ
XIII-XV ВВ.**

Историками давно обращено внимание на неоднородность городского населения Кафы. Однако доминирующий взгляд на этот город как на генуэзскую колонию побуждал воспринимать генуэзцев как высший господствующий слой горожан, а местных жителей - как подчиненное управляемое большинство.

Сегодня необходимо говорить о том, что в Кафе сложилась собственная система городского гражданства, чем этот крымский город существенно отличался от многих центров Латинской Романии¹ и сближался с коммунарами Северной Италии².

Верхний уровень социальной стратификации города занимали *cives*. Вплоть до недавнего времени об этой категории граждан не было положительной информации. Упоминание *cives Caphe* в статуте 1449 г.³ не давало надежных оснований говорить о собственно кафском институте. Считалось, что подобной квалификацией обозначались знатные граждане Генуи⁴. И даже такой знаток истории правоотношений в Романии, как Д.Якоби⁵, утверждал, что понятие "*cives Caphe*" является не более, чем синонимом определения "*cives Janue*", обозначающим временное пребывание в крымской колонии Генуи.

Новые публикации нотариальных актов XV в., предпринятые А. Роккатальата и Л. Баллетто⁶, позволяют совершенно определенно говорить о *cives Caphe*. М.Балар⁷, опираясь на остающиеся неизданными акты кафского нотариуса Христофоро Рапалло (1454-1473), показал, что подобным статусом обладали как генуэзцы, так и местные жители, в частности, из числа греков и армян. По его заключению, *cives* отличались от *burgenses*, средней категории граждан, тем, что обладали недвижимостью не в бургах, между первой и второй крепостными стенами, а в цитадели. Г. Айральди⁸ предположила наличие у *cives* большей правоспособности, нежели у *burgenses*, не дав, впрочем, уточнений. Дж. Пистарино⁹, в свою очередь, обратил внимание на связь личного гражданского состояния и корпоративного статуса всей городской общины.

На мой взгляд, все эти суждения, вполне справедливые, могут и должны найти уточнение в последовательном системном анализе правового положения *cives* Кафы в составе городской общины, учитывая как возвышение отдельных фамилий, образывавших патрициат, так и формирование социального единства города в пределах нового правового пространства.

Прежде всего, нельзя не признать, что абсолютное большинство из упоминавшихся в источниках генуэзских обладателей статуса *cives Caffè* принадлежало к старому и новому

нобилитету, как например, Спинола¹⁰ и Адорно¹¹, Скварчафико¹² и Де Франки¹³, Джентиле¹⁴ и Казанова¹⁵, Монтальди¹⁶ и Мауро¹⁷. Как и "cives Janue", они должны были иметь право на герб¹⁸, но в отличие от генуэзских граждан, как правило, исполнявших временные обязанности в отдельных сферах администрирования (консулат, финансовое и военно-полицейское управление, нотариат и некоторые другие), они характеризовались укорененностью в Кафе. Судя по известным правовым источникам¹⁹, cives Caffe владели недвижимостью в городе, имели жен и наследников, были соединены родственными и экономическими узами с местной социальной средой.

Представители названных фамилий являлись обычно cives Janue до своего переселения в Крым и обоснования на новом месте. Они получали признание в качестве cives Caffe, как можно думать, после участия в выборных магистратах civitas. Латинское понятие "cives" (как и греческое "polites") в греко-римской правовой культуре, интенсивная реновация которой происходила в XIV в., всегда обозначало "участвовавших в управлении", причем не в широком смысле - на собраниях и в выборах, а в узком - в непосредственном руководстве civitas на высших государственных должностях. "Cives", исходя из этимологии этого слова, составляли тот узкий круг лиц, который допускался к трапезе, к совместному вкушению пищи (cibus)²⁰. Подобные застоля, восходившие к ритуализированным формам социальности еще дофеодальной эпохи, сохраняли свое значение в отпадении политической власти в XIV-XV вв. Судя по записям массариев Кафы²¹, они устраивались по случаю приема официальных лиц соседних государств, заключения договоров, религиозных праздников и некоторых других, важных для коммуны, событий. В приемах на высшем уровне помимо консула и массариев, всегда являвшихся гражданами Генуи, участвовали советники-антианы, генеральные синдики и члены оффиций, которые и должны были составлять обозначенный круг реальных и потенциальных обладателей статуса cives.

Сословная группа "граждан Кафы" не была закрытым образованием. Она пополнялась как из числа граждан Генуи, избравших новым местом постоянного жительства Кафу и уже

проявивших себя в служении “общим интересам”, так и из среды “burgenses de Caffa”, также удостоивавшихся избрания в магистраты. Напомню, что в совет антианов входили 4 cives и 4 burgenses Caphe²², в коллегия генеральных синдиков²³, оффисии монеты²⁴ и продовольствия²⁵, а равно в состав магистратов, осуществлявших суд без формальностей, и ревизоров, проверявших картулярии имуществ лиц, умерших без завещания²⁶, входили по 2 cives и 2 burgenses. Упоминавшиеся здесь burgenses, по-видимому, и образовывали резерв, из которого в дальнейшем пополнялись cives Caffe. Подобная возможность вертикальной социальной динамики была вполне реальной. В этой связи можно указать на представителей фамилии Сан Франческо, располагавших в конце XIV в. правами burgenses²⁷ и достигших в XV в. привилегий cives²⁸. Из среды “горожан Кафы” вышли, скорее всего, Julianus de Sancta-Agnete, Johannes de Serchisio, Thomambeï de Sancta Trinita, известные по документам XV в. в качестве cives Caffe²⁹, сами имена которых указывают, по-моему, на происхождение из кафских цитадели и бургов, отражая городскую микротопонимию: приход Св.Агнессы, в самом центре города, приходы Св.Саркиса и Св.Троицы, в нижнем городе.

К началу XV в., когда цивитас Кафы стала не только декларацией понтифика, но и правовой реальностью, объединившей общины цитадели и бургов, статус cives должен был распространиться на тех burgenses, заслуги которых перед коммуной были наибольшими и общепризнанными. Именно поэтому самые ранние упоминания “cives” появились не в первой четверти XIV в., когда папа Иоанн XXII объявил Кафу “городом”³⁰, в этом смысле связь между персональным и коллективным правовыми статусами, констатированная Дж.Пистарино³¹, оказывается более сложной и опосредованной, но лишь в начале XV в.³², когда завершились интегративные процессы образования единой коммуны Кафы.

Стало быть, главным признаком положения cives было не обладание недвижимостью в цитадели, как полагали М.Балар и Г.Айральди³³, она вполне могла располагаться в пределах внешней крепостной стены, но заслуги в том “общем деле” (res publica), которое с греко-римских времен называлось городом

или государством. Помимо осуществления высших властных полномочий, это могло быть участие в крепостном строительстве, в снаряжении экспедиций коммуны, в возведении храмов и других строений публичного характера, как, к примеру, новый общегородской госпиталь и капелла Всех Святых, которые взялись построить четыре гражданина Кафы в 1424 г.³⁴ Таким образом, по своим заслугам подобные знатные горожане оказывались как бы “отцами города”, образуя патрициат, а их звание - “cives” - становилось почетным титулом, сопровождавшимся эпитетом “nobiles”. Обладая достоинством знатности, весьма значимым в феодальном праве, “граждане”, в отличие от “горожан”, могли участвовать в процедурах инфеодации, наподобие известной по документам XV в. нотариальной инвеституры, которая была осуществлена графом Лаваньи и засвидетельствована кафскими гражданами - Джакомо ди Казанова, Джорджо Чепулино, Антонио Гоаставино³⁵. Кроме того, положение cives отличалось дополнительными привилегиями, состоявшими, как можно заключить, в налоговых иммунитетах и льготных правах на использование собственности коммуны³⁶.

Порядок и процедура предоставления статуса cives остаются неизвестными. Но поскольку все дела, связанные с “гражданами”, подлежали исключительно компетенции консула и викария, заседавших в курии³⁷, уместно предположить, что и аттестация их прав лежала в ведении тех же самых полномочных лиц.

Средний уровень горожан составляли *burgenses*. В прошлом в этой категории видели “мещан”³⁸, местных горожан, противопоставлявшихся генуэзцам³⁹. В современной литературе высказываются самые различные суждения о юридическом и социальном содержании статуса *burgenses*. Одни полагают, что подобным статусом обладали генуэзские граждане в заморских факториях⁴⁰, другие считают, что его предоставляли представителям местных знатных родов⁴¹, третьи заключают, что таким образом назывались “гости”, чужеземные купцы, бравшиеся под покровительство Генуэзской республикой⁴², четвертые видят в этом квалификацию местного коммунального уровня⁴³, пятые самым существенным в положении *burgenses* считают допущение к некоторой совокупности прав, соотноси-

мой с генуэзской системой гражданства⁴⁴. На мой взгляд, юридическая интерпретация статуса “*burgenses de Caffa*” должна вписываться в специфику развития основных правовых институтов кафской коммуны и последовательно уточняться в сопоставлении с “высшими” и “низшими” стратами.

Самое раннее упоминание квалификации “*burgenses de Caffa*” отыскивается в документах конца XIII в.⁴⁵ И, как мне видится, *burgenses* того времени ничем принципиально не отличались от *habitatores*, основного населения города. Они владели недвижимостью в цитадели, были левантийцами и итальянцами, принадлежали к разным конфессиям, занимались коммерцией. Я не исключаю, что термин “*burgenses*” конца XIII в., когда Кафа еще не легитимировалась (даже формально) в качестве *civitas*, не содержал еще специфического правового смысла и что он выступал простым синонимом термина “*habitatores*”. Элементы синонимии сохранялись и позднее, когда одни и те же лица аттестовывались в нотариальных актах то как “*burgenses*”, то как “*habitatores*”, а то и смешанно “*burgenses et habitatores de Caffa*”⁴⁶.

И все же в XIV в. статус *burgenses* стал обозначать иное, отличное от *habitatores* состояние. *Burgenses* могли иметь право голоса в избрании должностных лиц, они могли избираться на должности, замещая, по статуту 1316 г., 1/6 мест в коллегияльных органах⁴⁷, а по статуту 1449 г., половину мест в оффисиях⁴⁸. Они были причастны к законодательной, исполнительной и судебной власти в городе. Не случайно в актах XIV в. среди *burgenses* часто встречались юристы, нотарии⁴⁹, служащие различных коммунальных служб, к примеру, синдики⁵⁰, переводчики коммуны или курии⁵¹, сансеры⁵² и другие, чего нельзя сказать о *habitatores*.

Категорию “*burgenses*” нужно рассматривать не в контексте этно-социальных или конфессиональных различий, но в плане причастности к иному объему прав. В них нельзя видеть не только итальянцев, утвердившихся в качестве привилегированной группы в колонии, не только представителей местной элиты, возвышавшейся над прочими в результате отдачи под покровительство генуэзской республики. Среди них были действительные генуэзцы, обладавшие правом *cives* Генуи⁵³,

но в то же время этой квалификацией обладали генуэзцы левантийского происхождения, то есть уроженцы городов Восточного Средиземноморья и Черноморья⁵⁴, имевшие отцов генуэзцев. Среди них встречались выходцы из различных итальянских государств, обосновавшиеся в Кафе, как, например, из Флоренции⁵⁵, и одновременно представители других стран католического мира, избравшие крымский город местом постоянного жительства, как, например, из Каталонии или Германии⁵⁶. При численном преобладании латинян, если следовать генуэзским документам, среди *burgenses* в то же время нельзя не заметить армян⁵⁷ и греков⁵⁸, грузин⁵⁹ и евреев⁶⁰. Они могли быть любого социального состояния - и рыцарского, и купеческого, и ремесленного, и еще более низкого, если, к примеру, в *Augamī Samaliā* видеть потомка "хамалов", или "камаллов", как в Кафе по-арабски называли портовых грузчиков⁶¹.

Объединяющим началом этого уровня городского гражданства, весьма неоднозначного в этно-социальном и религиозном плане, были укорененность в Кафе, владение там недвижимостью, уплата городских налогов, допущение к управлению и, самое главное, обладание привилегиями генуэзцев в том объеме, в каком сами генуэзцы пользовались ими в Восточном Средиземноморье и Черноморье. В этом смысле *burgenses* могли рассматриваться в качестве "генуэзцев" (*pro januensibus*), или, как обозначается в новейшей литературе⁶², "натурализованных генуэзцев", то есть приравненных к ним, но все же не генуэзцев в строгом смысле слова.

В текстах правового характера отличие этих приравненных к генуэзцам горожан могло передаваться по-разному, чаще всего следующей описательной формулой: "те, кто признается генуэзцем, или называется, или пользуется привилегиями генуэзцев"⁶³. В сочинениях политического содержания их порой называли "белыми генуэзцами". В хронике Леонтия Махеры (1380-1432) встречается такое пояснение о "белых генуэзцах": "... эти последние имели те же самые права, что и генуэзцы, не принадлежа к этой коммуне, так как они были сирийского (и иного - А.Е.) происхождения; то были Гоури, Биби, Даниэле, Гоули, равно как и те, кто вел свое происхождение из Джибелетто, Акры, Кафы, Хиоса, Галаты (Перы - А. Е.). Все

эти города принадлежали генуэзцам, но происходившие из других мест, не подчиненных генуэзцам, получали освобождение ... либо по привилегии, либо потому, что генуэзский консул в интересах своей коммуны жаловал им национальность..."⁶⁴.

То есть аттестацией "burgenses de Caffa", как пользовавшихся привилегиями генуэзцев, ведал консул кафской коммуны, что также отличало их от habitatores. В статуте 1316 г. и в специальном постановлении "Оффиции Газарии" 1339 г. подобное право главы генуэзской администрации определялось подробнее, чем в каких-либо других текстах: он мог официально удостоверить генуэзское происхождение, если как минимум два свидетеля могли под присягой подтвердить, что истец происходил из Генуи, или Ривьеры, или дистретто, либо что его отец был генуэзцем. Консул мог путем выдачи публично-правовых актов, документов или грамот удостоверить в качестве генуэзцев тех местных жителей, которые в предыдущих поколениях имели родителей генуэзцев или пользовались генуэзскими бенефициями и привилегиями, тех лиц самого различного происхождения, которые поселялись на постоянное жительство в Кафе, "которые становились гражданами в городах генуэзцев и в них самих обосновывались в бургах"⁶⁵.

Собственно говоря, даже признание генуэзского достоинства, необходимого, как иногда считают, для получения гражданства, не следует понимать буквально⁶⁶. В приводимой процедуре могла осуществляться легализация потомства смешанных браков и незаконнорожденных детей левантийского и, прежде всего, кафского происхождения. В конечном счете, решающим основанием для получения статуса burgenses было не генуэзское происхождение, не знание латинского языка и католическое вероисповедание, но принадлежность к городской общине, реальное проживание и обладание недвижимостью в цитадели и бургах, личное и имущественное участие в делах кафской коммуны. В одной из статей устава 1449 г. burgenses не случайно характеризовались "постоянно находящимися, проживающими и имеющими дома внутри кафской крепости"⁶⁷, под каковой надлежит понимать, как мне думается, большую крепость.

Получившие статус *burgenses* могли пользоваться льготами и иммунитетами генуэзцев как в империи Газарии, на Черном море, так и в Романии; они имели право свободного прохода, беспошлинной торговли в тех странах, с которыми Генуя имела соответствующие договоры. На *burgenses* распространялись все те монополии, которыми Генуя обладала в черноморском регионе и в Восточном Средиземноморье, как скажем, на работорговлю и на транспортировку рабов, разработку квасцовых рудников и вывоз квасцов⁶⁸. С признанием всей категории "*burgenses de Caffa*" "приравненной к генуэзцам" значительно расширился круг лиц, пользовавшихся генуэзскими привилегиями, что не могло не вызывать противодействия со стороны окружающих государств, терпевших экономические потери в сфере налогообложения. Поэтому предоставление статуса *burgenses*, в отличие от *habitatores*, подлежало более строгой регламентации и контролю. Всякие попытки расширить раздачу "прав генуэзцев" на лиц, не принадлежавших к общине Кафы, являлись преступлением как статутного права, так и договоров Генуи с государствами Черноморья.⁶⁹

Вместе со льготами на *burgenses* распространялись те же запреты и ограничения, какими были связаны сами генуэзцы. В частности, они были ограничены в деловом партнерстве с владельцами и подданными татарского хана и по этой причине возникавшие имущественные и денежные иски, или требования предоставить право марки, отклонялись судебными инстанциями Кафы⁷⁰. Им запрещались союзнические и вообще дружеские отношения с канлюками, то есть подданными татарского хана, дабы не происходило утечки военно-политической и экономической информации городского управления, к которому были причастны *burgenses*⁷¹. Им запрещалось принимать участие в соляных промыслах Крыма⁷²; возводить замки в Черноморском регионе без сеньориального разрешения центральных властей⁷³, вмешиваться в сбор ханского комеркия⁷⁴.

По большей части эти ограничения были вызваны негарантированностью и небеспеченностью прав собственности в татарских владениях, что было причиной постоянных имущественных и финансовых противоречий, порой доходивших до конфликтов и открытых столкновений. Законодатели

были движимы намерением лимитировать отношения генуэзской Кафы с татарским миром установившимися формами ярмарочного обмена, не доводить их до установления слишком тесного сосуществования и не допускать чрезмерной индивидуализации, столь опасной для корпоративной целостности города. Поэтому попытки приобретения владельческих прав на недвижимость и ведение торговли за пределами очерченных рыночных площадей влекли за собой как судебные санкции в виде весьма высоких штрафов, так и снятие с городских властей ответственности за безопасность подобных действий и возложение всей тяжести риска на горожан.

В этом смысле *burgenses* оказывались ограниченными в сравнении с *habitatores*, которые в отношении с ближайшей татарской периферией были более свободными, хотя их свобода обеспечивалась не государственными гарантиями, а личным опытом и связями. Здесь уместно вспомнить о том, что в 1343-1345 гг., когда в условиях итальянско-татарской войны генуэзцам было запрещено всякое контактирование с татарами, сообщение Кафы с Солкатою отнюдь не прервалось, но продолжалось благодаря посредничеству местных греков, армян и евреев⁷⁵.

В свете изложенного я мог бы высказать свое понимание смешанного определения городского гражданства - "*burgenses et habitatores de Caffa*". На мой взгляд, в этом обнаруживается не столько затруднение нотарию адекватно аттестовать статус своего клиента⁷⁶, сколько желание контрагента пользоваться льготами *burgenses* в одной ситуации и, одновременно, не лишаться преимуществ *habitatores* в другой, увеличивая, таким образом, возможности социальной мобильности отдельных горожан.

Низший уровень городского гражданства, его, так сказать, основу составляли *habitatores*. Парадоксально, но эта категория была даже не замечена первыми исследователями статута Кафы⁷⁷. Ничего определенного не могли сказать об этом уровне городского населения медиевисты первой половины XX в., видя в термине "*habitatores*" лишенное сколько-нибудь определенного юридического смысла слово со значением, соответствовавшим русскому "обыватель", или, если вспомнить

удачную славянскую передачу этого термина М. М. Фрейденбергом и его учениками — “обитатель”⁷⁸. Только в исследованиях последних десятилетий⁷⁹ стало обращать внимание на то, что *habitatores* отличались особым юридическим положением, особым отношением к собственности, к праву участия в управлении и предпринимательстве.

Ф. Тирье⁸⁰, в частности, полагал, что эта категория горожан не допускалась к участию в электорате, к занятию должностей, к получению доходов от крупной морской торговли. М. Балар⁸¹ допускал известную неполноту прав *habitatores* в сфере политики и управления, но не считал возможным говорить о какой-то их ущемленности в экономической сфере. Дж. Пистарино⁸² и С. П. Карпов⁸³, обращая внимание на то, что одни и те же лица являлись *cives* одного города (всегда Италии) и одновременно — *habitatores* другого города (чаще на Черном море), делали акцент не на правовой приниженности *habitatores* (эта мысль становилась алогичной), но на факторе изменившегося местожительства, получившего особое значение в политической и деловой карьере как указание на необходимые имущественные гарантии в том городе, “обитателями” которого эти лица себя объявляли. На мой взгляд, не могло существовать какой-то универсальной модели *habitatores*, приложимой к любому городу Латинской Романии и к любому периоду его развития. Юридическое положение этой категории граждан необходимо осмыслять к контексте менявшейся правовой ситуации города, зависевшей как от внутренних, так и от внешних факторов, возвышения статуса городской общины в целом, численного увеличения *habitatores* в результате распространения городского права на население бургов и антибургов, в результате адаптации в *цивитас* пришельцев и освоенных зависимых людей.

Первые упоминания *habitatores de Caffa* встречаются с конца XIII в., и изучение частно-правовых документов, как мне кажется, позволяет конкретизировать это понятие. Уже обращение к актам Ламберто ди Самбучето показывает, что обладавшие квалификацией “*habitatores de Caffa*” постоянно проживали в городе, по-видимому, не менее одного года. Причем, это были генуэзцы⁸⁴ и вообще итальянцы⁸⁵, греки⁸⁶ и ар-

мяне⁸⁷, сирийцы⁸⁸ и аланы⁸⁹, христиане и мусульмане⁹⁰ и даже евреи⁹¹. В большинстве случаев они владели недвижимостью, землями, домами, магазинами и ремесленными мастерскими. Ряд актов твердо убеждает в том, что собственностью они владели в цитадели⁹². Скорее всего, в конце XIII в. статус *habitatores* означал признание со стороны генуэзских властей юридического факта обладания недвижимостью именно в цитадели, которая едва стала окружаться крепостными стенами. Аттестацией этого состояния являлось предъявление квитанций об уплате городских налогов. Владение собственностью, выступавшей в случае необходимости в качестве залоговой стоимости, повышало правоспособность *habitatores*, имевших право брать крупные займы, участвовать в большой коммерции, выгодных откупах и других финансовых предприятиях.

Рассмотрение актов XIV в. также не дает оснований видеть в *habitatores* неполноправное население. Этим званием обладали итальянцы⁹³ и левантийцы⁹⁴, испанцы⁹⁵ и французы⁹⁶, греки⁹⁷ и татары⁹⁸. Они были банкирами и торговцами, рыцарями и держателями таверн, менялами и ремесленниками. То есть никакая сфера предпринимательства для них не была закрыта. Они обладали недвижимостью как в цитадели, так и в бургах и даже в городских предместьях. Наличествующий документальный материал не дает оснований говорить о полноправии *cives* и *burgenses* и о бесправии абсолютного большинства горожан, тех самых *habitatores*, оказавшихся как будто только в роли налогоплательщиков.

Согласно статутным нормам 1316 г.⁹⁹, они обладали правом участия в политическом управлении, выступая в общегородских парламенте, а также в районных и квартальных собраниях. Правда, о праве избирать и быть избранными для *habitatores* статуты 1316 г. не упоминали. По-видимому, этим сумма привилегий, к которой были допущены *habitatores*, отличалась от объема прав, стоявших над ними *burgenses*. Следуя статуту 1449 г., можно предположить сохранение за *habitatores* права участия в самоуправлении на уровне городских районов и кварталов, где избирались центурионы и декурионы¹⁰⁰. По-видимому, и для осуществления административной карьеры обычные горожане не были связаны какими-либо непреодолимыми

препятствиями, достаточно было обладания исходного статуса *habitatores de Caffa*, открывавшего перспективу получения прав *burgenses*. Пример высокого социального положения и значительного политического влияния отдельных "обитателей" Кафы дает мусульманин Койя Исса, *habitor Caffe*, предки которого переселились из столицы татарского Крыма - Солката¹⁰¹. Он владел домом в бурге Кафы¹⁰², участвовал в качестве свидетеля в подписании генуэзско-татарского договора 1380-1381¹⁰³. Возможности возвышения социального состояния демонстрирует пример с *Augami Samalia*, родственники которого получили в середине XIV в. права *habitatores de Caffa*, а он сам добился в 60-е гг. того же века права *burgenses de Caffa*¹⁰⁴.

Численность рассмотренной категории граждан стремительно увеличивалась как за счет внешних миграций, так и за счет включения в городскую общину населения бургов, а затем и предместий. В принципе, горожанином со статусом *habitatores* мог стать и несвободный зависимый человек, бежавший от своего господина. Конечно, коммуна Кафы, извлекавшая значительные доходы из работорговли, не могла относиться к проблеме свободы однозначно. В отличие от европейских городов, где "городской воздух делал свободным"¹⁰⁵, Кафа занимала в этом вопросе особую позицию, сопряженную с различными условиями.

Городская община в возникавших коллизиях по поводу рабов выступала третьей стороной с правами верховного покровительства над беглым. Оказавшись на территории города, не только в резиденции епископа или соборном храме, но и в пределах мили за городским рвом¹⁰⁶, несвободный оказывался в сфере действия иммунитетных привилегий третьего лица и на него переставала распространяться власть прежнего господина. И коммуна через своих выборных представителей - синдиков - отказывала в выдаче беглых бывшим владельцам; она выставляла рабов на аукцион и полученные деньги передавала истцу. Исключения составляли случаи исков со стороны татарских наместников Крыма, с которыми Кафа была связана договорными обязательствами¹⁰⁷. Здесь кафские власти должны были возвратить беглых зависимых людей. В случае отсутствия притязаний, по прошествии исковой давности в один год, зависимый становился свободным горожанином.

Точно также раб становился свободным, если синдики в ходе ревизии владельческих прав не находили юридических оснований для установления рабского статуса, то есть не находили нотариально оформленных актов, фиксирующих принадлежность раба как объекта собственности господину¹⁰⁸.

Наконец, коммуна прибегала к выкупу рабов у владельцев, обращая их в христианство и предоставляя свободу. Эммануэле Пилоти в 1420 г. как раз отмечал, что генуэзские власти, скорее всего то были синдики, епископ и кавалерий, совершали инспекционный обход вывозившихся из Кафы рабов и опрашивали: "...хотят ли они быть христианами, или язычниками, и тех, кто захотел быть христианами, отбирали..."¹⁰⁹.

Все эти освобожденные люди в правовом смысле были равны с прочими *habitatores*, однако в смысле экономических возможностей, материальных гарантий прав они отличались от обычных горожан. Жизненные тяготы нередко заставляли их отдаваться в услужение и даже еще хуже — отказываться от своей свободы. Этой социально незащищенной части *habitatores* касались специальные нормы статута 1449 г., запрещавшие покупать "жителей Кафы" (*habitatores Caphe, habitantes in Capha*) и вывозить их в качестве рабов в заморские страны¹¹⁰. Закон жестко защищал однажды предоставленную свободу. Совершивший подобную сделку лишался неправового владения, денег в размере покупной цены, подвергался штрафу до 1000 аспров, поступавших в казну. Посредники, цензоры, нотариусы и писцы, латинские, греческие или какие-либо иные участвовавшие в оформлении сделки, а также главный сcribe налогов с работорговли (*cabellarum capitum*) за то, что он вписал эту сделку в картулярий, наказывались штрафом по 100 аспров. Чиновникам, причастным к такому преступлению, грозило еще более действенное наказание, касавшееся исполнения должности и карьеры.

Конечно, этой части *habitatores*, вышедших из вчерашних несвободных, трудно было добиться успеха в ремесле или коммерции, не обладая родовой поддержкой. Но и для них не исключались возможности социального восхождения. Мужчины могли стать наемниками, гребцами на галерах, полицейскими или даже оргузиями, конными стражниками, при-

ближавшимися по характеру службы к рыцарству. Для женщин оставалась менее привлекательная перспектива стать служанками.

По моему убеждению, этот же статус *habitatores* получали бывшие подданные татарского хана, проживавшие в городе один год. В статуте подобный юридический нюанс не регламентировался четко, что дало повод для неоднозначных толкований. «Постановляем и утверждаем,— провозглашалось в статуте 1449 г.,— что тудун, или викарий канлюков, не смеет и не может вмешиваться в дела жителей Кафы (*habitoribus Caphe*); после того как они находились и проживали (*habita-verint*) в городе, бургах и предместьях Кафы в течение одного года со своей семьей, они становились генуэзцами, а не канлюками, и суд над ними обязан и должен совершать господин консул Кафы, или его викарий, или компетентные магистраты»¹¹¹.

На мой взгляд, они были генуэзцами весьма условно как члены коммуны, придерживавшейся генуэзского права, и в таком качестве они допускались к пользованию привилегиями генуэзцев не в полном объеме, но только теми, каких генуэзская коммуна Кафы добилась в черноморском регионе и смогла закрепить соглашениями с местными правителями. Сведения об участии *habitatores de Caffa* в региональных торговых и финансовых предприятиях¹¹² дают основание для такого заключения. Думаю, что за пределами этого уровня привилегий, обусловленного договорами Кафы, преимущества *habitatores de Caffa* переставали действовать и указание на принадлежность к ним утрачивало смысл. Придавать более широкое толкование этому статусу мне кажется неоправданным.

В некотором роде положение *habitatores* сопоставимо с положением «подданных» и «верных» (*subditi, fidei*), проживавших за пределами города на подвластных Кафе землях. Они так же, как и *habitatores*, обладали привилегией розничной торговли на кафском рынке¹¹³. Они вместе с «обитателями» пользовались правами на недвижимость в землях татарского хана, что было подзапретно для *burgenses* и генуэзцев¹¹⁴.

Впрочем, характеристика городского социума Кафы не исчерпывалась «обитателями». Здесь нельзя игнорировать ту часть

поселенцев, которая еще ожидала получения прав *habitatores*, а также маргиналов, живших случайными заработками, подавными и криминальным промыслом.

Если потенциальные *habitatores*, обычно в текстах обозначавшиеся “*homines Caffé*”¹¹⁵, снимали жилые помещения, обзаводились семьями, имели регулярные доходы и платили налоги, то прочие социальные низы не отличались подобной определенностью. Грузчики и поденщики (*camali, laboratores*)¹¹⁶, получавшие временные доходы, равно как и моряки, закончившие контракты и еще не заключившие новых, обязывались в случае найма жилья платить подушный налог - *scotum*¹¹⁷, исчислявшийся из прожиточного минимума. От него не освобождались и те бедняки, которые готовы были прислуживать за кусок хлеба и приводить гетер к иностранцам за меру вина. Публичные женщины из тех, что “занимаются своим ремеслом днем, публично и явно”, обязаны были платить особый сбор - 1 турецкий дукат в год¹¹⁸. Вся эта городская беднота и связанный с ней преступный мир (*populus minutus, homini minuti sine pomine*)¹¹⁹ концентрировались в портовом квартале Кафы. Здесь зарождались почти все известные смуты, приводившие к столкновениям с властями и восстаниям¹²⁰, не последнюю роль в которых играл криминальный элемент.

Кроме этого были еще городские нищие (*pauperes Caphe*)¹²¹, обитавшие в четырех приютах города. Они имели подии в центре Кафы у монастырей нищенствующих монахов и монахинь — Св. Франциска, Св. Доминика, бегинов и бегинок¹²², то есть официально установленные городскими властями места для подаваний. Попечением о бедных и нищих занималось особое ведомство — *officium misericordium*¹²³. В церковные праздничные дни оно устраивало благотворительные обеды, раздачу денег, одежд и пр. В XV в. в связи с усилившейся в условиях общего экономического и социального кризиса пауперизацией города, а также в связи с миграцией бедных и неимущих из ближайшей аграрной периферии потребовались реконструкция старых приютов и строительство нового госпиталя Всех Святых¹²⁴.

В целом рассмотрение социальной структуры города Кафы убеждает в том, что наряду с общими для европейских городов

признаками он обладал существенной спецификой, определявшейся особым географическим и политическим положением между Западом и Востоком. Это касается, прежде всего, религиозно-этнических меньшинств, в особенности мусульманского и еврейского, которые отнюдь не являлись исключенными из городского правового пространства, но составляли неотъемлемую его часть.

Примечания

1. Ср.: Карпов С.П. Латинская Романия // Вопросы истории. 1984. № 12. С. 86-96; Он же. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII-XV вв.: Проблемы торговли. М., 1990. С. 317-331; Влизнюк С.В. Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре 1192-1373 гг. М., 1994. С. 131-142; Jacoby D. Recherches sur le Méditerranée Orientale du XIIe au XVe siècle: Peuples, sociétés, économies. L., 1979. VI. P. 159-188.
2. Ср.: Климанов Л.Г. "Quod sunt cives nostri": Статус венецианского гражданства в XIV в. // Культура и общество Италии накануне нового времени. М., 1993. С. 28-38; Bontifoglio Dosio G. La condizione giuridica del "civis" e le concessioni di cittadinanza negli statuti bresciani del XIII e XIV secolo // Atti dell' Istituto Veneto di scienze, lettere ed arti. Venezia, 1978/1979. Vol. CXXXVII. P. 523-532.
3. Vigna A. Statutum Caphe // Atti della società Ligure di storia patria. Genova, 1879. Vol. VII. P. II. P. 585-587, 592, 593, 603, 650.
4. Бадян В.В., Чиперис А.М. Торговля Каффы в XIII-XV вв. // Феодальная Таврика. Киев, 1974. С. 175.
5. Jacoby D. Op. cit. Loc. cit.
6. Roccatagliata A. Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Pera e Mitilene. T. I: Pera, 1408-1490. Bordighera, 1982; Idem. Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Pera e Mitilene. T. II: Mitilene, 1454-1460. - Bordighera, 1982; Idem. Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Chio (1453/54 - 1470/71). Bordighera, 1982; Balletto L. Momenti di vita genovese Caffa del Banco di San Giorgio // Bulgaria Pontica medii aevi. Sofia, 1992. Vol. III. P. 105-114.
7. Balard M. Les orientaux a Caffa au XVe siècle // Byzantinische Forschungen Amsterdam, 1987. Bd. XI. P. 234-235.
8. Airaldi G. Genova e la Liguria nel Medioevo. Torino, 1986. P. 42, sq.
9. Pistarino G. Genova e i genovesi nel Mar Nero // Bulgaria Pontica medii aevi. Sofia, 1988. Vol. II. P. 59-62.
10. Balard M. Les orientaux a Caffa... P. 234.
11. Roccatagliata A. Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Pera e Mitilene. T. I: Pera, 1408-1490. № 69.
12. Ibid. № 105.
13. Ibid. № 92.
14. Tautu A.L. Acta Martini P.P.V (1417-1431) // Codex juris canonici orientalis Romae, 1980. Vol. XIV. T.II. № 293.
15. Balletto L. Momenti di vita genovese nella Caffa del Banco di San Giorgio. № 2.

16. Doumerc B. Les venitiens a la Tana au XVe siecle// Le Moyen age. Bruxelles, 1988. An. XCIV. № 3/4. P. 369.
17. Roccatagliata A. Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Pera e Mitilene. T. I. № 119.
18. О геральдике генуэзской аристократии, см.: Bernabo di Negro G.F. L'araldica a Genova. Genova, 1983.
19. Roccatagliata A. Op.cit. T.I. № 69, 92, 105, 119; Balletto L. Momenti di vita genovese nella Caffa... № 2; Musso G.G. Gli orientali nei notai genovesi di Caffa//Archivi e cultura. Roma, 1973. N 7. - P. 109-110; Doumerc B. Op. cit. Loc. cit.; Balard M. Les orientaux a Caffa... P. 234-235.
20. Thesaurus linguae latinae. Lipsiae, 1907. Vol. III. Fasc. 1. P. 1220.
21. Jorga N. Registres de comptes de la colonie genoise de Caffa en Crimée. Revue de l' Orient Latin. P., 1896. T. IV. P. 27-63; Idem. Acte si fragmente cu privire la istoria Romanilor. Bucuresti, 1897. Vol. III. P. 26-60; Banescu N. Vechi legaturi ale tarilor noastre cu genevezii//Inchinare lui N.Jorga. - Cluj, 1931; Idem. Contribution a l'histoire de la seigneurie de Theodoro-Mangoup en Crimée// Byzantinische Zeitschrift. Leipzig;1935. - Bd. XXXV. P. 20-37; Musso G.G. Note d'Archivio sulla "Massaria" di Caffa// Studi genuensi. Genova, 1964/1965. Vol. V. P. 62-98; Idem. Il tramonto di Caffa genovese// Miscellanea di storia Ligure in memoria di G.Falco. Genova, 1966. P. 313-339.
22. Vigna A. Statutum Caphe. P. 585-586.
23. Ibid. P. 587.
24. Ibid. P. 593.
25. Ibid. P. 603.
26. Ibid. P. 678-679.
27. Airaldi G. Studi e documenti su Genova e l'Oltremare. Bordighera, 1974. I. №5.
28. Tautu A.L. Acta Martini P.P.V. ... Vol. XIV. T.II. № 293, 293a-b.
29. Ibid; Musso G.G. Gli orientali nei notai genovesi di Caffa... P. 109; Balard M. Les orientaux a Caffa... P. 234.
30. Tautu A.L. Acta Johannis P.P. XXII (1317-1334)// Codex juris canonici orientalis. Citta del Vaticano, 1952. Vol. VII. T.II. P. 12-13.
31. Pistarino G. I Cin dell' Oltremare. Genova, 1988. P. 118-121.
32. Самые ранние упоминания cives Caffe относятся к 1424 г., см.: Tautu A.L. Acta Martini P.P.V... Vol. XIV. T.II. P. 759-767.
33. Balard M. Les orientaux a Caffa... P. 233-238; Airaldi G. Genova e la Liguria... P. 42.
34. Tautu A.L. Acta Martini P.P.V... Vol. XIV. T.II. P. 759-767.
35. Balletto L. Momenti di vita genovese nella Caffa... P. 112-114.
36. Tautu A.L. Acta Martini P.P.V... Vol. XIV. T.II. P. 698-701, 759-767.
37. Vigna A. Statutum Caphe. P. 592.
38. Ковалевский М.М. Юридический быт генуэзских колоний на Черном море во второй пол. XV в.// Сборник статей по истории права, посвященный Н.Ф.Владимирскому-Буданову. Киев, 1904. С. 215.
39. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях XV в. // Исторические записки. М., 1940. Т. VII. С. 5; Чиперис А.М. Внутреннее положение и классовая борьба в Кафе в 50-70-е гг. XV в.// Уч. зап. Туркмен.ГУ. Ашхабад, 1962. Вып. XXI. С. 254.

40. Ближнюк С.В. Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре. С. 131-141.

41. Jacoby D. Recherches sur le Mediterranee Orientale... VI. P. 159-188.

42. Schreiner P. Bizantini e genovesi a Caffa: (Osservazioni a proposito di un documento latino in un manoscritto greco)//Mitteilungen des Bulgarischen Forschungsinstitutes in Osterreich. Wien, 1984. N 2. S. 97-100; Matschke K.-P. Bemerkungen zu "Stadtbürgertum" und "Stadtbürgerliche Geist" in Byzanz// Jahrbuch für Geschichte des Feudalismus. B., 1984. Bd. VIII. S. 265-285.

43. Pistarino G. I Gin dell' Oltremare. P. 118-123, 280-286.

44. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье... С. 271-272, 316-331.

45. Balard M. Genes et l'Outre-Mer. T. I: Les actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto 1289-1290. P., 1973. N 190, 598.

46. Balbi G., Raiteri S. Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Caffa e a Licostomo. Bordighera, 1973. I. № 7, 9-13, 15, 17, 19, 21, 22, 24, 26-28, 32-41, 46, 48-51, 53, 54, 56, 61-63, 65, 69, 71, 72, 76-79; Airaldi G. Studi e documenti su Genova e l'Oltremare. I. № 1-8, 15-17, 20-22, 25-28, 34-46, 48, 49, 51-54; Balletto L. Genova. Mediterraneo. Mar Nero (secc. XIII-XV). Genova, 1976. P. 214; Pistarino G. Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzo (1360-1361). Bordighera, 1971. № 54, 55, 60, 62, 65, 69, 81, 85; Idem. I Gin dell' Oltremare. P. 77; Balard M. Genes et l' Outre-Mer. T. II: Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzo (1360). P.: La Haye; N.Y., 1980. № 12, 76, 109, 121; Musso G.G. Navigazione e commercio genovese con il Levante nei documenti dell' Archivio di Stato di Genova (secc. XIV-XV). Roma, 1975. № 10.

47. Sauli L. Imposicio Officii Gazariae//Historiae Patriae Monumenta. Torino, 1838. - Vol. II. T. I. Col. 377-406.

48. Vigna A. Statutum Caphe. P. 587, 593, 597, 600-603.

49. Airaldi G. Studi e documenti... № 7, 8, 15-17, 20, 21, 26-28.

50. Balbi G. Raiteri S. Op. cit. I. № 10, 11, 35, 36, 61.

51. Ibid. № 7; Airaldi G. Studi e documenti... № 1-6, 8, 15, 16, 21, 22, 26, 27, 35, 36, 39-43, 45, 51, 52.

52. Ibid. № 5.

53. Ibid. № 26, 27, 34-36, 38-42, 44, 45, 53; Balard M., Laiou A.E. et Otten-Froux C. Les italiens a Byzance: Edition et presentation de documents. P., 1987. I. P. 31, 39, 42, 44.

54. Balbi G., Raiteri S. Op. cit. I. № 26, 34 (Janinus de Delay); Airaldi G. Studi e documenti... № 144 (Andreas de Levanto); Paviot J. "Croisade" bourguignonne et interets genoais en Mer Noire au milieu du XVe siecle// Studia di storia medievale e di diplomatica. Genova, 1992. Vol. XII/XIII. P. 147.

55. Balbi G., Raiteri S. Op. cit. I. № 19, 28, 33; Roccatagliata A. Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Pera e Mitilene. T. I: Pera, 1408-1490. № 64, 65, 75, 79, 105, 119.

56. Balbi G., Raiteri S. Op. cit. I. № 15 (Franciscus civalierius de Barcellona); Balard M., Laiou A.E. et Otten-Froux C. Op. cit. P. 43 (Stephanus Thodescus).

57. Airaldi G. Studi e documenti... I. № 40, 46, 48, 49, 51, 52 (Amir Ermineus, Amirsa Armeneus, Avachus de S.Gregorio, Sadi Armeneus).

58. Ibid. № 27, 44, 53 (Constantinus Mauranus Grecus, Andriotus de Illice, Stephanus de Candea); Balbi G., Raiteri S. Op. cit. I. № 62 (Vassilius de Porto).

59. Ibid. № 54 (Coia Amir de Tefelix); Airaldi G. Studi e documenti... I. № 41, 42 (Johannes filius quondam Necbey Jurgiani).
60. Ibid. № 44 (Aurami Camalia); Polonio V. Famagosta genovese a meta del' 400: Assemblee, armamenti, gride // Miscellanea di storia Ligure in memoria di G.Falco. Genova, 1966. № 1, 4 (Abraham et Assar de Caffa judei); Jacoby D. Op. cit. VI. P. 173 (Abraham et Bogaminus de Caffa ju dei).
61. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 264.
62. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье... С. 316-331.
63. Например, см.: Sauli L. Imposicio Officii Gazariae. Col. 380; Forcheri G. Navi e navigazione a Genova nel Trecento. Il "Liber Gazarie". Bordighera, 1974. P. 23.
64. Miller E., Sathas C. Leonce Macheras. Chronique de Chypre. P., 1882. P. 204-205.
65. Sauli L. Imposicio Officii Gazariae. Col. 348, 401.
66. Ср.: Astuti G. Le colonie genovesi del Mar Nero e ordinamenti giuridici/ /Colloquio romeno-italiano: "I genovesi del Mar Nero durante i secoli XIII-XIV". Bucarest, 1977. P. 113.
67. Vigna A. Statutum Caphe. P. 636.
68. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье... С. 316-330.
69. Vigna A. Statutum Caphe. P. 628-629; Belgrano L.T. Prima serie di documenti riguardanti la colonia di Pera//Atti della societa Ligure di storia Patria. Genova, 1877. Vol. XIII. Fasc. 1. P. 110-115.
70. Vigna A. Statutum Caphe. P. 627-628.
71. Ibid. P. 636-637.
72. Ibid. 645-646.
73. Ibid. P. 644.
74. Ibid. P. 637.
75. Morozzo della Rocca R. Notizie da Caffa// Studi in onore di A. Fanfani. Milano, 1962. Vol. III. P. 278-279.
76. Pistarino G. I Gin dell' Oltremare. P. 280-282.
77. Юргевич В.Н. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г.// Зап. Одесс. общ. ист. и древностей. Одесса, 1863. Т. V. С. 820-857; Ковалевский М.М. Юридический быт генуэзских колоний на Черном море. С. 195-228; Heyd W. Geschichte des Levantehandels im Mittelalter. Stuttgart, 1879. Bd. II. S. 174-175.
78. Зевакин Е.С., Пенчко Н.А. Из истории социальных отношений... С. 5; Чиперис А.М. Внутреннее положение и классовая борьба в Кафе... С. 254-255; Воробьева И.Г. Венецианская республика и югославянские земли в XV-XVII вв. Калинин, 1987. С. 47.
79. Блиэнюк С.В. Указ. Соч.; Laiou-Thomadakis A.E. The Byzantine Economy in the Mediterranean Trade System// Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1980/ 1981. Т. XXXIV/XXXV. P. 177-222; Jacoby D. Recherches sur la Mediterranee orientale... VI. P. 151-180.
80. Thiriet F. Etudes sur la Romanie greco-venitienne (X-XV siecles). L., 1979. P. 36-53.

81. Balard M. La Mer Noire et la Romanie geneoise. L., 1989.
82. Pistarino G. I Gin dell' Oltremare. P. 270-288.
83. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье... С. 271-272; Карпов С.П. Grecs et Latins a Trebizonde (XIIIe-XVe siecle): collaboration economique, rapports politiques// Etat et colonisation au Moyen age. Liom, 1989. P. 413-424.
84. Balard M. Genes et l' Outre-Mer. T. I. № 90, 115, 124, 137, 155, 180, 184, 207, 226, 285, 293, 298, 299, 350, 367, 394-b, 441, 497, 522, 540, 570, 575, 605, 656, 665, 697, 723, 763, 771.
85. Ibid. № 439, 485, 860.
86. Ibid. № 249, 364, 594, 602, 853.
87. Ibid. № 405, 593, 752, 762, 773, 829.
88. Ibid. № 518, 570, 710, 875.
89. Ibid. № 696.
90. Ibid. № 396, 601.
91. Ibid. № 371.
92. Ibid. № 439, 518, 540, 570, 853, 860.
93. Balbi G., Raiteri S. Op. cit. I. № 1, 4, 9, 12, 13, 16, 17, 19, 27-29, 33, 37-41, 43, 46, 56-58, 63, 69, 71, 72, 76, 78, 79; Polonio V. Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Cipro da Lamberto di Sambuceto (3 luglio 1300 - 3 agosto 1301). Bordighera, 1982. № 2.
94. Balbi G., Raiteri S. Op. cit. I. № 26, 29, 34.
95. Ibid. № 15.
96. Ibid. № 9, 27, 50, 53, 59.
97. Airaldi G. Studi e documenti... I. № 36.
98. Ibid.
99. Sauli L. Imposicio Officii Gazariae.
100. Vigna A. Statutum Caphe. P. 650.
101. Я признателен проф. К.-П. Мачке за любезно предоставленную рукопись неопубликованной статьи, см.: Matschke K.-P. Die Bedeutung des Schwarzmeerraumes für Stadtwirtschaft und Stadtgesellschaft von Konstantinopel in spätbyzantinischer Zeit. Das Chogia-Isse-Puzzle// Bulgaria Pontica Medii Aevi. VI. Sofia (в печати); К сведениям немецкого византиниста могу добавить, что в Крыму сохранилась эпитафия Койи Иссы 1388 г. на арабском языке, см.: Архив СПбО ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1929. № 164.
102. Vigna A. Statutum Caphe. P. 620.
103. Desimoni C. Trattato dei genovesi col chan dei tartari nel 1380-1381 scritto in lingua volgare// Archivio storico italiano. Firenze, 1887. Vol. XX. P. 165.
104. Matschke K.-P. Die Bedeutung des Schwarzmeerraumes...
105. Mitteis H. Über den Rechtsgrund des Satzes "Stadtluft macht frei"// Die Stadt des Mittelalters. Darmstadt, 1980. Bd. II. S. 182-202; Gellinek H. "Stadtluft macht frei"// Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germ. Abt. Wien; Köln; Graz, 1989. Bd. 106.
106. Vigna A. Statutum Caphe. P. 621, 634-635.
107. Desimoni C. Trattato dei genovesi... P. 164.
108. Vigna A. Statutum Caphe. P. 590.
109. Dopp P.-H. Traite d'Emmanuel Piloti sur le Passage en Terre Sainte (1420). Louvain, 1958. P. 143.

110. Vigna A. Statutum Caphe. P. 635-636.
111. Ibid. P. 650.
112. Balard M. Genes et l'Outre-Mer. T. I. № 115, 180, 184, 441, 723, 763; Balbi G., Raiteri S. Op. cit. I. № 12, 19, 37, 43; Pistarino G. Notai genovesi in Oltremare... № 17, 25, 26, 30, 43, 53, 59, 78; Balard M. Genes et l' Outre-Mer. T.II. № 12, 22, 58, 68, 71, 75-77, 102, 109, 121, 122.
113. Vigna A. Statutum Caphe. P. 651-652.
114. Ibid.
115. Sauli L. Imposicio Officii Gazariae.
116. Vigna A. Statutum Caphe. P. 617.
117. Ibid. P. 638-639.
118. Ibid. P. 623.
119. Vigna A. Codice di plomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell' Ufficio di S.Giorgio// Atti della societa Ligure di storia patria. Genova, 1868. Vol. VI. P. 117.
120. Ibid. P. 810.
121. Balard M. Genes et l' Outre-Mer. T. I. № 704; Bautier R.-H. Points de vue sur les relations economiques des occidentaux avec les pays d' Orient au moyen age// Societes et compagnies de commerce en Orient et dans l'Ocean Indien: Actes du VIIIe Colloque inter. d'histoire maritime. P., 1970. App. № 2; Vigna A. Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri... Vol. VI. P. 717.
122. Sauli L. Imposicio Officii Gazariae. Col. 407.
123. Vigna A. Statutum Caphe. P. 616-617.
124. Tautu A.L. Acta Martini P.P.V... Vol. XIV. T.II. P. 759-767.